
ВЛАСТЬ И ВЫСШЕЕ СОСЛОВИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРИОД РЕФОРМ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Н.М. Селиверстова

Кафедра истории и политологии
Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева
Миусская пл. 9, Россия, Москва, 125047

Статья раскрывает проблемы взаимоотношений власти и высшего сословия Российской империи в период реформ 60–70 гг. XIX в. Автор прослеживает, как менялись позиции дворянства по отношению к политике правительства начиная с освобождения крестьян и до конца правления Александра II; анализирует способы реакции власти на сигналы, посылаемые ей со стороны высшего сословия. Активно привлекая дворянство к реализации реформ на местах, власть долгое время отказывалась рассматривать вопрос об участии его в создании и функционировании центрального представительного органа власти.

Ключевые слова: дворянство, власть, реформы, помещики, освобождение крестьян, чиновничество, либеральная бюрократия, дворянские корпоративные организации.

Взаимоотношения власти и дворянства в период реформ 60–70 гг. XIX в. носили сложный, подчас противоречивый характер, что обусловлено рядом причин. Подготовка и осуществление крестьянской реформы выявили различные группы внутри дворянского сословия, которым были присущи свои собственные представления как о самом освобождении крестьян, так и об общем направлении развития Российской империи. Эти позиции были отражены в различных проектах предстоящей реформы, оформленных в виде персональных записок, а также сформулированных губернскими комитетами по улучшению быта помещичьих крестьян. Однако правительственная программа отмены крепостного права в значительной степени явилась плодом деятельности либеральной бюрократии и сформировалась в результате борьбы мнений в пределах властных коридоров и хотя в незначительной степени испытала на себе воздействие позиций, представленных в дворянском обществе, но далеко не в полной мере соответствовала ожиданиям основной части поместного дворянства.

Поэтому когда началась реализация крестьянской реформы, большая часть поместного дворянства восприняла ее как вынужденную, необходимую меру, своеобразный знак быстротекущего времени, но за скобками осталось отношение к самой позиции верховной власти, не посчитавшей нужным учесть мнение высшего сословия. Более того, значительная часть консерва-

тивно настроенных помещиков восприняла освобождение крестьян от крепостной зависимости как акт, в крайней степени противоречащий вековым представлениям о справедливости, подрывающий священное право собственности и завещанные Екатериной II привилегии благородного сословия.

Критичное отношение к содержанию, способам и методам осуществления крестьянской реформы стало преобладающим в среде поместного дворянства, но также было присуще той части дворянства, находившегося на гражданской службе, кто не разделял взглядов, господствующих среди либеральной бюрократии. Тем более что правительственная программа оказалась на практике далеко не идеальной, и ее осуществление, особенно в первые пореформенные годы, было сопряжено с целым рядом трудностей. Так, например, в 1861 г., когда началась реализация крестьянской реформы, многие помещики столкнулись с неприятием условий освобождения со стороны своих бывших крепостных. Как известно, значительная часть их не признавала подлинность «Манифеста» и «Положений», а впоследствии отказывались подписывать уставные грамоты, и именно на первые пореформенные годы приходился пик крестьянских выступлений. В марте–мае 1861 г. количество крестьянских выступлений в великорусских губерниях колебалось между 950 и 1240 (1).

Такая ситуация воспринималась многими представителями высшего сословия, и в особенности поместного дворянства, как показатель краха крестьянской реформы, свидетельством слабости, нежизнеспособности правительственной программы, положенной в ее основу. В документах С.С. Ланского, занимавшего пост министра внутренних дел в 1855–1861 гг., содержится проект адреса Александру II от имени русского дворянства с просьбой «“очистить” от начал коммунистически-социальных» Положение 19 февраля, которое «связывает свободу крестьян, нарушает имущественные права дворянства и оскорбляет их сословные права» (2).

Составленный, судя по всему, по свежим впечатлениям, вскоре после оглашения Манифеста и Положений об освобождении крестьян от крепостной зависимости, этот документ в то же время продолжает дореформенную традицию петиций, обращений и писем, направляемых в высшие инстанции, а иногда и на имя самого императора, и содержащих острую критику правительственной программы отмены крепостного права. Характерной чертой этих документов является их крайне консервативное содержание, патетический стиль, апелляция к «Жалованной грамоте дворянству» Екатерины II.

В данном случае автор документа, взывая к Государю, пытается предупредить его, заявив о существовании некоей «демократически социальной партии» в правительстве, реализующей свою «тайную цель» (3). В тексте намеренно смешивается факт крестьянских волнений, вызванных недовольством недостаточно радикальной и последовательной реформой, а также отсрочкой ее реализации на два года, и неприятие правительственной программы крепостного права со стороны наиболее консервативно настроенного поме-

стного дворянства. Автор (или авторы) адреса демагогически пугают Александра II «всеми ужасами народной войны покорного войска с безвинным народом, обманутым в своих надеждах», а также тем, что беспорядки охватят всю страну по мере введения уставных грамот, основанных на несправедливых началах (4).

В безличной форме император предупреждается о том, что «сословие дворянское, необходимое всякому монархическому государству, совершенно уничтожается, и, наконец, посягательства на права имущественные, и личные, возбуждают восстание против престола». Однако, как убеждает автор документа, верное престолу дворянство неспособно его предать. В качестве же положительной программы предлагается освобождение крестьян по образцу Лифляндской губернии, то есть без земли (5). Несомненно, исходя из логики документа, такой вариант крестьянской реформы должен был успокоить «безвинный народ».

Поскольку сама правительственная программа крестьянской реформы была плодом коллективных усилий, упреки и гневные отзывы можно было адресовать ко всем лицам, так или иначе причастным к выработке итоговых документов. Критике подвергались различные аспекты реформы, многие помещики негативно воспринимали вынужденную отсрочку при переводе крестьян на выкуп, а также собственно временнообязанные отношения, видя в них корень будущих бунтов.

В качестве примера можно привести крайне резкую оценку, данную результатам деятельности членов Редакционных комиссий, Ю.Ф. Самарина и кн. В.А. Черкасского их единомышленниками-славянофилами А.И. Кошелевым и И.С. Аксаковым. «На возражение Самарина, что у них при составлении Положения не было иного практического выхода, Аксаков писал, что революция во Франции тоже была единственным и “практическим выходом” и если Самарин и Черкасский под практическим выходом подразумевали подъем крестьянского движения, то он с ними солидарен. Но едва ли они это имели в виду...» (6).

В то же время сама позиция власти в вопросе проводимых реформ и соотношения их с настроениями и чаяниями высшего сословия была далеко не однородной. Тем не менее, персонифицированная в облике императора Александра II верховная власть исходила из необходимости решения общегосударственных задач и только после этого принимала во внимание интересы одного из сословий, пусть и «благородного», служилого, первейшего.

В качестве примера, выражающего подобную систему воззрений, можно привести проект введения подоходного налога, предложенный министром внутренних дел П.А. Валуевым в 1862 г. Этот налог был призван в некоторой степени возместить тот урон казне, который ей наносил постоянный отток денежных средств за границу, увозимых той значительной частью помещиков, которые не находили себе места в пореформенной деревне.

По закону дворяне перед отъездом за рубеж получали взамен бумажных денег золотую монету, поскольку российский рубль тогда не был конвертируем. «И Валуев, озабоченный оттоком золотого запаса в тяжкое финансовое время, счел нужным предложить ввести именно для состоятельной части помещиков, проводящих время за границей... мягкий способ введения подоходного налога» (7). В конечном итоге этот налог не был введен, но в данном случае показательна сама готовность П.А. Валуева, чьи взгляды были далеки от крайнего либерализма, с достаточной беспристрастностью отнестись к интересам высшего сословия в сложный для него момент.

Фигура П.А. Валуева чрезвычайно важна для понимания сложных взаимоотношений власти и высшего сословия в эпоху, начавшуюся освобождением крестьян.

Граф П.А. Валуев олицетворял собой амбивалентную природу правительственного чиновника-дворянина. По происхождению и воспитанию он принадлежал к старинной дворянской семье. Начав службу при Николае I, П.А. Валуев в это время вполне усвоил господствующую систему консервативных ценностей, а также воспринял идею всемерной преданности интересам высшей власти, олицетворенной в личности императора. Карьеризм, способности скрывать свои подлинные побуждения, последовательность в достижении цели, сочетающаяся с гибкостью умелого тактика, – все эти черты характера П.А. Валуева свидетельствовали о его умении прекрасно приспособливаться и преуспевать в высшей бюрократической среде.

В своих известных мемуарах граф С.Д. Шереметев характеризовал П.А. Валуева как «утонченного и умеренного в своих убеждениях бюрократа», называл его «честолюбцем незаурядным». Автор воспоминаний, принадлежавший к высшим аристократическим кругам, консерватор, близкий будущему императору Александру III, ощущавший себя прежде всего русским дворянином, с откровенным сарказмом описывал, как П.А. Валуев приветствовал московскую дворянскую депутацию, прибывшую ко двору после выстрела Д. Каракозова в 1866 г. Тогда «он говорил о своем “драгоценном праве” быть выразителем... привета дворянству Москвы, того самого дворянства, которое он с последовательностью травил во имя торжествующего направления “освободителей”» (8).

Скорее всего, вопрос о социальной идентичности тех или иных представителей власти в разные моменты их жизни и карьеры зависел от конкретных обстоятельств. Не следует преувеличивать тех социальных барьеров, которые разделяли две социальные группы – дворянство и чиновничество. Но в то же время следует помнить о существенном различии их интересов, которое со временем становилось все более явным и которое со всей очевидностью выразилось в период проведения крестьянской реформы и последующих преобразований 60–70 гг. XIX в.

Сам император по традиции, берущей свое начало еще со времен Екатерины II, неоднократно называл себя первым помещиком, таким образом намеренно подчеркивая свое особое отношение к благородному сословию.

Высшие сановники, находящиеся в непосредственной близости от престола, были, прежде всего, придворными, что в значительной степени делало их зависимыми от милости монарха, но также являли собой элиту дворянского общества. Основная часть правительственного аппарата столицы, за исключением самых низших слоев канцеляристов, также принадлежали к высшему сословию. Но вопрос идентичности каждого из них в разные минуты жизни зависел от многих факторов. Чиновники, обладавшие поместьями и приписанные к тому или иному дворянскому обществу, так или иначе участвовали в жизни корпоративной дворянской организации. Правда, в пореформенное время связь чиновничества с дворянством становится все менее тесной, в том числе и по причине изменения имущественного статуса бюрократии.

В качестве иллюстрации варианта решения вопроса о социальной идентичности чиновника можно привести весьма показательный пример А.П. Шувалова, который в письме к Г.П. Щербатову выражает свое негативное отношение к крестьянской реформе 1861 г.

Автор письма в этот момент находился на государственной службе, был откомандирован в Харьковскую губернию для контроля за реализацией крестьянской реформы. Впоследствии он активно участвовал в деятельности Санкт-Петербургского дворянского общества, отстаивая корпоративные интересы.

Из Харькова в июне 1861 г. он писал, что хотя прошло всего три месяца с начала реформы, но мнение масс по отношению к ней уже достаточно ясно выражено (9). Кроме того, для любого, кто может и хочет рассуждать, совершенно очевидно, что в ближайшем будущем правительство, если оно будет упорно продолжать обозначенный путь, ждет банкротство, то есть отказ от исполнения денежных обязательств (10).

Вслед за этим А.П. Шувалов сетовал, насколько сложно, находясь на государственной службе, не иметь возможности высказывать своей точки зрения на то, что хотят предпринять власти из Санкт-Петербурга, и одновременно достаточно просто понять, что следовало бы сделать (11).

Для того чтобы точнее представить, насколько сложным и неоднозначным было само понятие «власть», обязательно следует добавить, что помимо центральной власти существовали ее представители на местах, где наиболее знаковыми фигурами бюрократии выступали губернаторы. Взаимоотношения власти и дворянских обществ на местах отличала своя специфика, они были более тесными, но сложности и шероховатости в этих отношениях были значительно более ощутимыми и болезненными для обеих сторон.

В течение 60–70 гг. XIX в. не однажды сменялся состав бюрократической элиты, допущенной императором к процессу формирования правитель-

ственного курса. А это, в свою очередь, влияло на характер взаимоотношений власти и дворянства в зависимости от выбранного направления развития и реализуемой программы действий.

Вскоре после отмены крепостного права на смену той части либеральной бюрократии, которая подготовила эту реформу, в состав правительства приходит новая группа чиновников, представлявших гораздо более консервативную программу во власти. Они были призваны успокоить дворянское общественное мнение, недовольное тем способом, каким была сформирована окончательная программа реформы, и характером крестьянской реформы в целом. Среди этой когорты консерваторов во власти выделялись фигуры П.А. Шувалова, П.А. Валуева, В.А. Долгорукова.

Важное место в общественном сознании первых пореформенных лет заняла дискуссия о том, какую роль предстоит играть дворянству в России в будущем, о направлении и характере тех изменений, которые с неизбежностью должны были привести к трансформации высшего сословия после отмены крепостного права и связанных с ним последующих преобразований. Наиболее радикальные предложения касались полного упразднения любых сословных привилегий. К числу сторонников подобных мер принадлежал И.С. Аксаков, который выступил в печати с программой самоупразднения высшего сословия.

В отличие от него К.Д. Кавелин считал, что в будущей конструкции государственного устройства России дворянству может принадлежать значительная роль. С его точки зрения, не следовало путать дворянские привилегии и само высшее сословие.

Для возрождения дворянства Кавелин видел путь неустанной работы, участия в общественной деятельности, направленной на то, чтобы сделать лучше провинциальную жизнь. Это позволит дворянству вновь упрочить свое положение, отныне основанное не на привилегиях, а на преимуществах более образованного и деятельного сословия землевладельцев, и сблизиться с другими социальными слоями. «Самоуправление, – писал К.Д. Кавелин, – эта любимая мечта всего просвещенного и либерального в России, может начать осуществляться пока только в провинции, при деятельном содействии дворянства» (12). В отличие от многих своих современников-дворян К.Д. Кавелин считал преждевременным введение в России представительных начал на уровне высшей власти.

Первые пореформенные годы ознаменовались оживлением конституционных настроений в среде дворянства, включая представителей высшей аристократии, а также части бюрократии. Так, 24 сентября 1861 г. в своем дневнике П.А. Валуев саркастически отмечал, что Муравьев (по всей видимости М.Н. Муравьев) «уже ставит паруса по ветру и готовится быть членом конституционного министерства» (13). В то же время сам П.А. Валуев был автором проекта реформы Государственного совета за счет введения в его состав выборных представителей (14). Он считал вполне обоснованными по-

литические требования высшего сословия, добивавшегося своего участия в законодательном представительном учреждении, создание которого виделось делом ближайшего будущего.

В бюрократической среде составлялись различные проекты введения представителей в правительственные комиссии, но они не находили окончательной поддержки у императора. С конституционными требованиями выступали самые различные представители дворянского общества. «Конституция – вот что составляет теперь предмет тайных и явных мечтаний и горячих надежд дворян; она во всех устах и сердцах; об ней толкуется во всех кружках, в столицах и захолустьях, это теперь самая ходячая и любимая мысль высшего сословия» (15).

В это время дворянские собрания усиливают свои попытки включиться в политику, выдвигая различные конституционные предложения. Наиболее известен либеральный адрес тверского дворянства с проектом собрания выборных от «всей земли русской» 1862 г.

Однако ситуация меняется после того, как 4 апреля 1866 г. Дмитрий Каракозов стрелял в императора Александра II, положив тем самым начало череде покушений на царя-освободителя, последнее из которых стало роковым. Стремясь верноподданнически отмежеваться от любых оппозиционных настроений и выразить свою преданность и поддержку императору, дворянство различных губерний послало в столицу делегации.

В особенном положении оказалось дворянство Саратовской губернии. Причиной этого был тот факт, что Д. Каракозов был саратовским дворянином, его семье принадлежала небольшая поземельная собственность в Сердобском уезде, а в Аткарском уезде один из его родственников даже был предводителем дворянства (16).

По свидетельству В.А. Шомпулева, очевидца и участника событий, принимая депутацию саратовского дворянства, Александр II поблагодарил прибывших, и сказал, что как дворянин понимает их горе и разделяет его. «Совершенное злодеяние не должно касаться дворянства, в преданности которого я вполне уверен», – произнес император (17).

Надо сказать, что выстрел Каракозова получил в общественном сознании того времени весьма значительный резонанс. Ю.Ф. Самарин в письме баронессе фон Раден свидетельствовал о необычайно сильном эмоциональном отклике на это событие в Москве. Он называл библейским подобный всплеск народной любви и признательности к царю, и добавлял, что в этой атмосфере растворились неверие, нигилизм и любые намеки на политическую оппозицию (18). Но, как известно, эта реакция на знаковое событие, охватившие различные слои тогдашнего общества, оказалась непродолжительной.

Основные реформы 60–70 гг. XIX в., включая крестьянскую, земскую, городскую, судебную и военную, предусматривали активное участие в них корпоративных дворянских организаций, и, прежде всего губернских и уезд-

ных предводителей дворянства. В пореформенный период обязанности предводителей дворянства чрезвычайно расширились, они возглавляли съезды мировых посредников, съезды мировых судей, являлись председателями присутствий по крестьянским делам, возглавляли различные комиссии и комитеты. Исполнение этих многочисленных обязанностей требовало их постоянного присутствия соответственно в губернском или уездном городе.

В свою очередь, многочисленные бюрократические обязанности отвлекали предводителей дворянства от забот по управлению своим собственным помещичьим хозяйством. При этом служба предводителей как была до реформы, так и оставалась безвозмездной.

По своим политическим взглядам и оценкам пореформенные предводители дворянства различались достаточно сильно. В это время среди них было достаточно большое количество представителей старшего поколения, по традиции обладавших высоким авторитетом, неоднократно избиравшихся на должности в системе местного самоуправления. Но эпоха реформ призвала новое поколение дворян, с либеральными взглядами, созвучными времени, для которых осуществление реформ стало важным делом жизни.

П.С. Уварова, урожденная Щербатова, жена известного археолога графа А.С. Уварова, в своих мемуарах, перечисляя реформы Александра II, называет их царскими милостями, с радостью воспринятыми теми, кто «истинно любили народ, давно сознавали необходимость дарования ему настоящей свободы и готовы были работать в этом желаемом направлении» (19).

В 1865 г. А.С. Уваров был избран Можайским уездным предводителем дворянства. Он обращал особое внимание на введение земских учреждений. Вместе с вновь избранным председателем земской управы, молодым помещиком И.И. Черкасовским, недавно окончившим университет, они с энтузиазмом принялись за многообразную деятельность. «Все интересует предводителя и председателя управы: благосостояние крестьян, пути сообщения, школы, больницы, медицинская помощь по деревням, благоустройство уездного города и пр.» (20).

Впрочем, как и всегда, среди предводителей дворянства, особенно тех губерний, в которых постоянно проживало небольшое количество дворян, встречались и случайные люди, избранные по принципу наименьшего зла. Тем не менее, вне зависимости от политических пристрастий, подавляющая часть дворянских предводителей рассматривала выполнение своих многочисленных обязанностей как исполнение почетного долга.

Активное привлечение властью ключевых представителей дворянских обществ к реализации целого комплекса реформ сыграло важную роль.

С одной стороны, это позволило в некоторой степени снять вопрос о компенсации высшему сословию статусных потерь в связи с отменой крепостного права, не прибегая к допущению конституционного представительства. Власть интегрировала представителей корпоративных дворянских орга-

низаций в существующую бюрократическую структуру в большей степени, чем в дореформенный период.

С другой стороны, эти меры были еще одним способом сохранить лидирующие позиции высшего сословия во вновь создававшейся системе всеобщих организаций на местном уровне. Помимо этого, власть по-прежнему воспринимала представителей высшего сословия как сословия служилого, рассматривая предводителей дворянства как проводников своего влияния.

В ходе реформ все заметней становилось, в каком направлении происходило изменение роли высшего сословия в его взаимоотношениях с властью. К концу правления Александра II со стороны представителей дворянства все чаще начинают звучать голоса о необходимости специальных правительственных мер для поддержания дворянства. Этот призыв был услышан властью, что подтверждается политикой следующего императора, Александра III. В то же время сама постановка вопроса свидетельствовала о том, что дворянство более не могло рассчитывать на свои самостоятельные усилия, дабы остаться на позициях первейшего сословия. Оно уже не могло оказывать прежнего влияния на повестку дня власти, а просило поддержки и помощи у нее. Отныне дворянство перестает играть роль активного субъекта политики во взаимоотношениях с высшей властью и, скорее, превращается в объект правительственных мер и попечений.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Литвак. Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. – М., 1991. – С. 195.
- (2) Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 982. – Оп. 1. – Д. 72.
- (3) Там же. – Л. 1 об.
- (4) РГИА. – Ф. 982. – Оп. 1. – Д. 72. – Л. 1 об.
- (5) Там же. – Л. 2.
- (6) Дудзинская Е.А. Славянофилы в пореформенной России. – М., 1994. – С. 25.
- (7) Чернуха В.Г. Альтернативная программа имперской политики России эпохи великих реформ // Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография. – СПб., 2007. – С. 297–298.
- (8) Мемуары графа С.Д. Шереметева. – М., 2004. – Т. 1. – С. 139–140.
- (9) РГИА. – Ф.1092. – Оп.1. – Д. 169. – Л. 1.
- (10) РГИА. – Ф.1092. – Оп.1. – Д. 169. – Л. 1 об.
- (11) РГИА. – Ф.1092. – Оп.1. – Д. 169. – Л. 2.
- (12) Кавелин К.Д. Наш умственный строй. – М., 1989. – С. 157.
- (13) Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 1. 1861–1864. – М., 1961. – С. 117.
- (14) См.: Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. – Л., 1978. – С. 40.
- (15) Кавелин К.Д. Наш умственный строй. – М., 1989. – С. 151.
- (16) Шомпулев В.А. Записки старого помещика. – М., 2012. – С. 136.

- (17) Там же. – С. 137.
- (18) Переписка Ю.Ф. Самарина с баронессою Э.Ф. Раден. 1861-1876. – М., 1893. – С. 39–40.
- (19) Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. – М., 2005. – С. 77.
- (20) Там же. – С. 77.

REFERENCES

- (1) Litvak B. G. *Perevorot 1861goda v Rossii: pochemu ne realizovalas reformatorskaya initsiativa* [1861 upheaval in Russia: Why not realized reformist alternative]. Moscow, 1991, p. 195.
- (2) RGIA, f. 982, op. 1, d. 72.
- (3) Ibid., l. 1 turn.
- (4) RGIA, f. 982, op. 1, d. 72, l. 1 turn.
- (5) Ibid., l. 2 turn.
- (6) Dudzinskaya E. A. *Slavyanophily v poreformennoj Rossii* [Slavophiles in the postreform Russia]. Moscow, 1994, p. 25.
- (7) Chernukha V. G. *Alternativnaya programma imperskoj politiki Rossii epohi velikih reform* [Alternative program of the imperial policy of Russia during the Great reforms era] Authority, society and reforms in Russia: history, sources, historiography. St.-Petersburg, 2007, pp. 297–298.
- (8) *Memuari grafa S.D. Sheremetjeva* [Memoirs of Earl S. D. Sheremetjev]. Moscow, 2004, vol. 1. pp. 139–140.
- (9) RGIA, f. 1092, op. 1, d. 169, l. 1.
- (10) RGIA, f. 1092, op. 1, d. 169, l. 1 turn.
- (11) RGIA, f. 1092, op. 1, d. 169, l. 2.
- (12) Kavelin K. D. *Nash umstvennyj stroj* [Our mental system]. Moscow, 1989, p. 157.
- (13) *Dnevnik P. A. Valueva, ministra vnutrennikh del* [Diary of P. A. Valuev, Minister of Internal Affairs]. Moscow, 1961, vol. 1. 1861–1864, p. 117.
- (14) See.: Chernukha V. G. *Vnutrennaja politika tsarisma s seredini 50-h do nachala 80-h gg. XIX v.* [Internal policy of Tsarism from 50th till 80th years of XIX century]. Leningrad, 1978, p. 40.
- (15) Kavelin K. D. *Nash umstvennyj stroj* [Our mental system]. Moscow, 1989, p. 151.
- (16) Shompulev V. A. *Zapiski starogo pomeshika* [Memoirs of the old landlord]. Moscow, 2012, p. 136.
- (17) Shompulev V. A. *Zapiski starogo pomeshika* [Memoirs of the old landlord]. Moscow, 2012, p. 137.
- (18) *Perepiska Y. F. Samarina s baronessoj E. F. Raden. 1861-1876* [Correspondence of Y.F. Samarin with baroness E. F. Raden. 1861–1876]. Moscow, 1893, pp. 39–40.
- (19) Uvarova P. S. *Biloje. Davno proshedshije stchastlivije dni* [The past. Dead and gone happy days]. Moscow, 2005, p. 77.
- (20) Ibid.

AUTHORITIES AND UPPER CLASS OF RUSSIAN EMPIRE DURING REFORM PERIOD: PROBLEMS OF INTERACTION

N.M. Seliverstova

Department of History and Political Science
Mendeleev University of Chemical Technology of Russia
Miusskaya Square, 9, Moscow, Russia, 125047

The article reveals the problems of interaction between the authorities and the upper class of the Russian Empire during the period of the 60–70s of the XIXth century. The author considers the changing attitude of the nobility to the government policy from the emancipation of serfs till the end of Alexander II's reign, examines the way of the government reacting to the signals of the upper class. Actively involving the nobility in the implementation of the reforms in the regions, the authorities for a long time refused to consider the issue of its participation in the establishment and functioning of the central representative authority.

At the same time, the nobility couldn't rely on its own independent efforts to remain in the position of the first class. It asked the authorities for support and help. From then on, the nobility no longer played the role of an active subject of policy in its relations with the supreme power, and soon became an object of government action and care.

Key words: nobility, authority, reforms of the 60–70s of the XIXth century, landlords, emancipation of serfs, bureaucracy, liberal bureaucracy, nobility corporate organizations.